

ИСКУССТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ИЗДАНИЕ

1915.

Годъ 46-й.

Т-ва А.Ф. МАРКСЪ

ЖЖВВ

№ 47. Выходит еженед. (52 №№ в год), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и И. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр. Выданъ 21 ноября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго. — Сѣверъ и югъ. Стихотвореніе Іер. Ясинскаго. — „Мадонна“. Разсказъ Георгія Павлова. — Труба. Стихотвореніе Сергѣя Михѣева. — Путеводитель къ счастью. (Н. Гаринъ). Критическій взглядъ К. Чуковскаго. — Ни одного пѣннаго. Очеркъ С. Фесенко. — Заявленіе. — Объявленіе.

РИСУНКИ: Холодно въ окопѣ. Картина И. А. Владимірова. — Карта сѣверо-западнаго фронта. — Генералъ-маіоръ В. П. Ляховъ. — Подполковникъ Н. А. Карауловъ. — Зачорохскій край. Мургульское ущелье (2 рис.). — Штабъ-квартира. — Въ долинѣ рѣки Евфрата (2 рис.). — Общій видъ Карса. — Батарея въ походѣ. — Берегъ рѣки Карсъ-Чая. — Кавказскій фронтъ (11 рис.). — Санитарный поѣздъ общедворянской организаціи. — Іеромонахъ Гурій, награжденный орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами. — Н. Г. Гаринъ-Михайловскій (3 портр.). — „Въ противозазахъ“. — Спасаются отъ удушливыхъ газовъ. — Послѣ жаркаго дѣла. У походной кухни. — Въ окопахъ у О. — У полковаго знамени.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Метерлинка“ книга: 8.

ДНЕВНИКЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

К. Шумскаго.

Вѣрныя своей системѣ стратегически обороняться на всѣхъ фронтахъ, за исключеніемъ только одного, на которомъ вести обязательно стратегическое наступленіе, нѣмцы обороняются на трехъ фронтахъ — французскомъ, нашемъ и итальянскомъ и ведутъ наступленіе на четвертомъ фронтѣ — на сербскомъ. Въ связи съ этимъ, нашъ противникъ наканунѣ наступленія въ Сербію произвелъ опредѣленную перегруппировку войскъ, сводившуюся къ тому, что для наступленія въ Сербію былъ собранъ „наступательный кулакъ“ — двѣ арміи Кевесса и Гальвица, а на всѣхъ остальныхъ фронтахъ было оставлено такое число войскъ, какое австро-нѣмцы считали достаточнымъ для устойчивой обороны.

Послѣ этой перегруппировки можно было опредѣлить, что нѣмцы, въ общемъ, на всѣхъ фронтахъ войны выставили тринадцать армій, состоящихъ изъ однихъ нѣмецкихъ войскъ, и три арміи, состоящая частью изъ австрійскихъ и частью изъ нѣмецкихъ войскъ, т.-е. уже въ буквальномъ смыслѣ слова „арміи австро-нѣмецкія“, австрійцы же выставили пять армій.

Тринадцать чисто-нѣмецкихъ армій распредѣлялись такимъ образомъ, что семь германскихъ армій располагались на англо-французскомъ фронтѣ, — отъ Сѣвернаго моря до Швейцаріи, — и пять армій — на нашемъ фронтѣ. Кромѣ того, на нашемъ фронтѣ находились двѣ австро-нѣмецкія арміи — Линцингена въ Пинскихъ болотахъ и Ботмера на Стрыпѣ, въ Галиціи. Нако-

Холодно въ окопѣ. Картина И. А. Владимірова.

Путеводитель къ счастью.

(Н. ГАРИНЪ).

Критическій этюдъ К. Чуковского.

I.

— Хочешь, зарой меня въ землю... или хочешь, плюнь на меня!.. Милый, голубчикъ, плюнь... Милый, дорогой...

Тёма бросается къ Юськѣ на шею, обнимаетъ и проситъ плюнуть.

— Вотъ... вотъ какъ я тебя люблю!..

Такой это порывистый мальчишка. Нашалить, набѣдоуричь, а потомъ умоляетъ отца:

— Милый папа, отруби мнѣ руки! Отруби мнѣ руки, и я всегда буду добрый, хороший!..

Вѣдь руки виноваты, а не онъ, — быстрыя, безудержныя руки, въ которыхъ все такъ и горитъ, какъ въ огнѣ. Сердце же у Тёмы золотое, но тоже фантастическое, огненное. Въ жару, въ лихорадкѣ, въ бреду, пробирается онъ ночью вдоль кладбищенской пугающей стѣны, къ вонючему какому-то колодцу, гдѣ плачетъ и визжитъ его Жучка, брошенная туда злодѣйской рукой, и по веревкѣ, по вожжамъ, весь дрожа, спускается въ смрадную бездну, чтобъ немедленно спасти свою подругу, а потомъ съ ледяными компрессами мечется въ горячечномъ безпамятствѣ.

Проходить тридцать лѣтъ, — или больше? Тёма — сѣдой инженеръ, крупный землевладелецъ, помѣщикъ, любимый общепризнанный писатель *), но онъ не измѣнился ничуть. Такой же восьмилѣтка, какъ былъ, та же бурнопламенная прелестно-наивнаго сердца, та же дѣтская чрезмѣрность во всемъ. Солидные люди отъ него сторонятся: фантазеръ, увлекающійся! Онъ такъ и ищетъ глазами, гдѣ Жучка, которую необходимо спасти, — и въ какіе только колодцы ни прыгаетъ!

На Кавказѣ, увидѣвъ ея скалы какихъ-то утопающихъ турокъ, бросиле въ бунующее море.

— Нельзя, вы — отецъ семейства! — кричитъ ему кто-то вдогонку.

— Не сюда, не сюда, — убьетеся!

Но онъ наивнѣе веселую пѣсню и въ экстазѣ, въ азартѣ, — впередъ!

Безъ риска, азарта, экстаза онъ не могъ бы прожить и дня. На пятомъ десяткѣ зачѣмъ-то уѣхалъ за тысячи верстъ въ царство хунхузовъ и тигровъ, въ какія-то невѣдомыя дебри, гдѣ еще не ступала нога европейца, и тамъ, среди хищныхъ людей и звѣрей, извѣдалъ тѣ романтическія приключенія и подвиги, которыми такъ увпаются дѣти, читая Майнъ-Рида и Купера. Хунхузы для него замѣняли индѣйцевъ. Ему, какъ десятилѣтнему мальчику, показалось такъ просто: взять и уѣхать туда, на край свѣта, къ какимъ-то желтокожимъ дикарямъ для изслѣдованія невѣдомыхъ странъ, — и вотъ въ его дневникѣ мы читаемъ:

„Запы выстрѣловъ!.. Хунхузы?! Гдѣ ружье? Стрѣляютъ въ бумажныя двери!..“ и т. д. и т. д.

Хунхузы окружили его, подожгли ту фанзу, гдѣ онъ спалъ, и стали палить въ него изъ какихъ-то удивительныхъ пушекъ, и вотъ уже онъ мчится съ безоглядной отвагой по бѣшенымъ волнамъ водопада.

Капитанъ его небольшого суденышка отказывается отъ такихъ путешествій: онъ боится разбить свой корабль.

— Пусть бьетъ!

— Но мы всё тогда очутимся въ водѣ!..

— Ничего!..

Такой это былъ человѣкъ. Вѣдь не побоялся же маленькій Тёма вскарабкаться на огромную лошадь и, замирая отъ восторга и ужаса, скомандовать Юськѣ: бей!

Да, это тотъ же Тёма! Что-то въ немъ простодушное, мило-невзрослое, дѣтское, такое, что вызываетъ улыбку. Взять бы, кажется, и погладилъ бы его по милымъ сѣдымъ волосамъ!

Ничего солиднаго, степеннаго, истоваго, весь на бѣгу, на вѣтру. Не говорить, а захлебывается. Тысячи различныхъ проектов! — вѣчно возбужденъ, взбудораженъ. Глаза такъ и горятъ, какъ у ребенка, — и почтенные туповатые люди, слушая его горячую рѣчь, неодобрительно качаютъ головами и осторожно отходятъ въ сторону.

Слишкомъ блестящи, грандіозны, размахисты были его проекты и планы, чтобы могли ихъ вмѣстить дрябло-грухлявыя души, и часто этотъ поэтическій сорокалѣтній ребенокъ казался какой-то кометой, нечаянно залетѣвшей въ болото.

Его дѣтскость была особая, мудрая, свойственная лишь поэтамъ и праведникамъ. столь отличавшая Пушкіна, Владимира Солосьева и Моцарта. Не даромъ и Пушкѣ бездарному нѣмцу-приятелю казался образцомъ легкомыслія.

А Тёмѣ, сѣдому ребенку, такъ дорого все дѣтское въ людяхъ!

— Это настоящія дѣти! — говоритъ онъ женѣ о крестьянахъ.

— Ахъ, какія это чудныя, не вышедшія еще изъ своего сказочнаго періода дѣти! — хвалитъ онъ своихъ любимыхъ корейцевъ.

— Чистыя, довривныя дѣти! — твердилъ онъ о нихъ въ дневникѣ. — И лица у нихъ добрыя, дѣтскія. И преступленія дѣтскія: стащатъ у васъ бездѣлушку.

Оттого-то его дѣтскую душу заморозили корейскія сказки, — о Тысяченожкахъ, о Змѣяхъ, о Тунотайнѣ и Ли. Этихъ сказокъ онъ записалъ цѣлый томъ.

*) Въ своихъ автобиографическихъ повѣстяхъ Н. Гаринъ подъ именемъ Тёмы изображалъ себя.

И не только корейскія, — всякія увлекали его какъ ребенка. А. И. Купринъ вспоминаетъ, какъ въ дунныя ночи въ Крыму онъ вдохновенно импровизировалъ сказки на террасѣ передъ своими гостями. Имъ написана граціозная книжка изящныхъ и задушевныхъ „Сказокъ“, гдѣ многія заповѣдныя струны загадочной дѣтской души тронуты увѣренной рукой.

Ему не нужно было принаравливаться къ дѣтямъ: онъ могъ оставаться собою, и дѣти чувствовали въ немъ „своего“.

Оттого-то — какъ мы ниже увидимъ — его повѣсти и рассказы о нихъ такъ неотразимо плѣнительны.

II.

Увлекаясь, онъ умѣлъ увлекать. Женщинъ покорялъ молниеносно. Въ любви былъ бѣшено-порывистъ и быстръ.

Чуть не во всѣхъ его книгахъ влюбляются такъ же, какъ онъ: огненно, съ перваго взгляда, — въ вагонѣ, на пароходѣ, на станціи, — мимоходомъ, на бѣгу, на лету.

Психология мгновенной порывистой влюбченности изслѣдована въ его книгахъ блистательно, — именно влюбченности, возгорания, вспышки, а не длительной ровной любви. Вспомните его „Ветрѣчу“, „Клотильду“, „Сумерки“, милый набросокъ „Когда-то“, повѣсти „Инженеры“, „Студенты“...

Но влюбится, и тотчасъ же разлюбитъ, забудетъ.

— Какъ безумно любилъ онъ ее! — вспоминаетъ о какой-то женщинѣ Тёма. — Потомъ разлюбилъ. Другую позабылъ. Какъ ее звали?

Даже имя ея позабылось въ этомъ вихрѣ торопливыхъ увлеченій!

Примчался къ повѣстѣ. Богъ знаетъ откуда, въ специально заказанномъ экстренномъ поѣздѣ, бросился, передъ ней на колѣни, поцѣловать ея ногу:

— Я съ перваго мгновенія, какъ только увидѣлъ васъ... я рѣшилъ, что мнѣ... вы или никто!

Его сестры были такія же пламенные: одна ринулась съ головой въ революцію, другая, молодая красавица, внезапно ушла въ монастырь. Горячая отцовская кровь: ихъ отецъ, боевой генералъ, отличался изумительной лихостью:

— Весь эскадронъ за мной, какъ одинъ человѣкъ: врѣзались, опрокинули, смяли! — съ упоеніемъ вспоминалъ онъ передъ смертью.

Въ битвѣ подъ Германштадтомъ, съ ничтожною горстью солдатъ, онъ разбилъ огромное венгерское карре, за что и былъ представленъ Государю, взыскавшему его многими милостями.

Таковъ и Тёма: побывалъ и подъ турецкими, и подъ китайскими пулями, и подъ японской шрапнелью.

„Я, какъ очарованный, слушалъ пѣніе пролетающихъ пугъ, — пишеть онъ въ лаоянскіе дни. — Нѣжное пѣніе птички, но еще нѣжныѣе еще тоньше“.

Щедрость этого сѣдого ребенка воистину была фантастическая. Онъ такъ и озирался вокругъ, кого бы осчастливить подаркомъ. Дарить было для него величайшее счастье, неутолимая потребность души. Какъ ребенку, ему нравилось въ деньгахъ лишь то, что ихъ можно тратить, раздавать и раздаривать. Ему постоянно мерещилось, будто у него какія-то лишнія деньги, ненужныя, даже мѣшающія, — поскорѣе бы избавиться отъ нихъ! И онъ такъ умѣло отъ нихъ избавлялся, что, оказалось, и похоронить его было не на что! А при жизни воровалъ миллионы.

Изъ всѣхъ человѣческихъ мукъ его — больше всего уязвляла мука бѣдности, мука нужды, нищета, и, видя ее, онъ не могъ утерять ни минуты: тотчасъ же бросался ее утолять.

— Кто здѣсь бѣдный? — спрашиваетъ онъ, вѣзжая въ деревню, и ходитъ по нищенскимъ избамъ и радуеть своими „ненужными“ деньгами одичавшихъ отъ безнадежной нужды... И когда покидаетъ деревню, у него уже нѣтъ ничего. Все роздалъ до послѣдней копейки.

Незадолго до смерти онъ самъ предложилъ и отдалъ на какое-то идейное дѣло чуть ли не послѣднія десять тысячъ рублей, простодушно считая ихъ „лишними“.

— Не давайте Сикорскому: это мошенникъ! — предупреждаютъ заранѣе Тёму, но Тёма даетъ ему сто, потомъ двѣсти и снова двѣсти, покуда благодарный Сикорскій не крадетъ у него остальныхъ.

Его обманывали часто и со вкусомъ: такого обмануть не грѣшно! Вспомнимъ, какъ покупалъ онъ живую свинью, „взвѣшивая ее на вѣсахъ“ и не подозревая, что хитрый мужикъ заранѣе накормилъ ее солью и наполнилъ цѣлымъ моремъ воды.

Лукавство мужика обнаружилось, но баринъ заплатилъ ему сполна. „Нужно же платить за науку!“ весело оправдывался онъ.

Эта простодушная довѣрчивость не была послѣдствіемъ неопытности. Жизнь онъ зналъ превосходно, видѣлъ каждого человѣка насквозь, не даромъ исколесилъ всю Россію, — практикъ-инженеръ и помѣщикъ! Но охотно и весело, съ какимъ-то непередаваемымъ юморомъ, онъ поддавался лукавству нуждающихся. Здѣсь, наперекоръ своему жизненному опыту, онъ разрѣшалъ себѣ безмѣрную наивность. Да и широта была царственная: что тутъ разбирать, гдѣ обманщики. Всѣ, кому нужно, — берите!

Были въ нашей литературѣ другія такія же щедрія души, съ такою же неутомимой потребностью давать и дарить безъ конца: Владиміръ Соловьевъ и Глѣбъ Успенскій. Но тѣ, отдавая другимъ (и пальто, и часы, и деньги, и чемоданы, и бѣлье), совершенно забывали о себѣ, обрекали себя голоду, холоду.

Гарину это было несвойственно. Натура барственная, жизне-любивая, праздничная, онъ чувствовалъ себя какимъ-то крезомъ, магнатомъ, рожденнымъ для пышно-феерической жизни, и съ одинаковой безудержной щедростью тратилъ деньги и на другихъ и на себя! Добровольная бѣдность была бы ему не къ лицу; аскетическое самоотреченіе тоже.

Даже въ мелочахъ былъ магнатъ. Обычную рождественскую елку устроилъ, напримѣръ, не въ гостиной, а подъ небомъ, въ лѣсу, на снѣгу: выбралъ самое высокое дерево и, не срубая его, приказалъ разукрасить роскошно, окружилъ его огнями, кострами, пригласилъ изъ деревни крестьянъ и затѣялъ грандіозное пиршество въ сказочной бенгальской обстановкѣ, среди радужно-сверкающихъ снѣговъ.

А то устроить у себя въ имѣніи елку для всѣхъ деревенскихъ ребятъ, украсить ее игрушками, лакомствами, повалить на полъ и скомандуетъ: грабьте!

Въ каждомъ своемъ движеніи — баринъ, ребенокъ, поэтъ.

III.

И въ писательствѣ былъ онъ такой же. Всякую тему бралъ съ маху, шель напроломъ... Вымучивать, высиживать повѣсть было ему не по нраву. Онъ писалъ внопахъ, безъ оглядки, ночью и днемъ, лихорадочно и, сдавъ въ редакцію рукопись, несся въ курьерскомъ поѣздѣ куда-нибудь въ Сибирь, на Уралъ, по спѣшному, неотступному дѣлу... «А потомъ, — вспоминаетъ С. Я. Елпатьевскій, со станцій летѣли телеграммы, гдѣ онъ просилъ измѣнить фразу, переделывались или вставлялись цѣлыя сцены, иногда чуть не полъ-главы... Насколько мнѣ извѣстно, это былъ единственный русскій писатель, по телеграфу писавшій свои произведенія». (См. С. Я. Елпатьевскій „Близкія гни“, стран. 103—104).

Писалъ по телеграфу, тутъ онъ весь! Окруженный хунхузами въ Манчжурской степи, почти что подъ выстрѣлами, пишетъ, какъ у себя въ кабинетѣ. Бумага промокаетъ отъ дождя, руки коченѣютъ отъ холода, рукописи погибаютъ въ пути. „Одну тетрадь со сказками я потерялъ, къ сожалѣнію“, — сообщаетъ онъ въ какомъ-то предисловіи.

Товарищи, смѣясь, говорятъ, что пишетъ онъ всегда „на облучкѣ“. Мчится по снѣжной сибирской равнинѣ въ лютый сибирскій морозъ и, покуда перепрягутъ лошадей, примостится въ избѣ къ столу и залпомъ исписываетъ десятки страницъ своимъ темпераментнымъ почеркомъ.

Не странно ли, что эти быстро-рожденные образы и мысли сразу сами собой безъ усилий облекались въ столь изящныя формы! Телеграфная быстрота его творчества придавала его слогу крылатость: онъ даже при желаніи не умѣлъ бы писать неинтересно и вяло, — даже если бы нарочно постарался!

Точно горячія лошади, которыхъ не обуздать, не сдержать, мчатся его слова по страницамъ, и сколько восклицательныхъ знаковъ, порывистыхъ междометій и вскрикиваній! Во время разказа онъ машетъ руками, смѣется, ужасается, плачетъ, — участвуетъ въ разказѣ всей душой:

— „Кра-кра-кра! — это затрещала наша лодка!... — „Гопъ! Последній прыжокъ!... — „Бревна, бревна!.. Вверхъ и внизъ! — держи лодки — разобьютъ? Ха-ха! Мимо“... — такими звукоподражаніями, возгласами изобилуетъ его нервная рѣчь.

Отсюда экспрессивная сила большинства его повѣстей и разказовъ. Въ нихъ такъ и чувствуешь пульсацію крови. Буквочки нѣтъ анемической!

Повѣствуя о давно минувшемъ событіи, онъ такъ трепетно переживаетъ его вновь, что минувшее становится сегодняшнимъ: рассказывая, напримѣръ, о спасеніи Жучки, онъ тутъ же, на глазахъ у читателя, принимается спасать ее сызнова, превращается въ восьмилѣтняго Тему и кричитъ ей: „Жучка, я здѣсь!“

Когда онъ описываетъ любовную сцену, у него самого въ ту минуту закипаетъ любовная страсть: такъ и кинулся бы цѣловать героиню!

Когда онъ пишетъ о любви, онъ — любовникъ, и насъ превращаетъ въ любовниковъ. Онъ зажигаетъ, потому что горитъ его творчество эмоционально, стихійно, наивно и дѣтски-безхитростно. Оттого-то его автобіографичныя повѣсти „Студенты“, „Гимназисты“, „Инженеры“ такъ взволнованно воспринимаются нами. Ихъ проглатываешь самозабвенно и жадно, и даже не успеваешь замѣтить, хорошія онѣ или плохія. Сколько разъ я принимался за нихъ, чтобы высныть себѣ наконецъ, въ чемъ же главная ихъ притягательность, но послѣ первыхъ же строкъ забывалъ обо всемъ и снова волновался за Тему: выдержитъ ли онъ свой ларинскій экзамень? выздоровѣетъ ли послѣ своей ужасной болѣзни? женится ли на Аделаидѣ Васильевнѣ?

Критикъ здѣсь нечего дѣлать: надъ стихійностью она не властна.

Бродитъ въ этихъ книгахъ какое-то хмельное вино, которое хочется пить, а не смаковать и разсматривать!

Такъ богато насыщала онъ эмоціями каждую свою бездѣлушку, что та сама собой превращалась въ тревожащее произведеніе искусства.

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій.

Но чѣмъ же это искусство тревожило? Гдѣ была его душа, его паюсъ, его молитва, его святая святыхъ? Въ чемъ былъ: религія Гарина? Онъ горѣлъ, — но какимъ огнемъ?

Возьмемъ же его книги — романы, разказы — всмотримся въ ихъ сюжеты и образы.

IV.

Вотъ онъ выводитъ предъ нами грязную мужичку, жену идиота, избѣдненную позорной болѣзью, и — не странно ли? — зоветъ ее паевой!

Любуется шелкомъ ея мягкихъ волосъ, ея загадочнымъ, царственнымъ взглядомъ.

— Она словно вышла изъ сказки!—умиленно говоритъ онъ о ней.—Ей бы красоваться и радоваться, играть бы на какой-нибудь серебряной люлькѣ, а жизнь, какъ подлая вѣдьма, загадила ее мерзостной хворью, и вотъ ея прелестное тѣло въ болячкахъ, а загадочныя очи гниютъ!

Здѣсь прообразъ всѣхъ его поэтическихъ символовъ!

Многіе видѣли женщинъ, исковерканныхъ гадкой болѣзью, но только Гаринъ почувствовалъ въ нихъ заколдованныхъ красавицъ-принцессъ. Сумѣйте расколдовать колдовство, и предъ вами сама Дульцинея.

— Эхъ, сорвать бы проклятую хворь!—восклицаетъ онъ съ порывистой жалостью, и вѣсело, куда ни посмотреть, видитъ то же злое колдовство: всюду прекрасное, божественно-свѣтлое, созданное для умирительныхъ радостей,—какими-то бѣсовскими чарами превращается въ мерзость и грязь.

Здѣсь его завѣтнѣйшая тема, и она не оторвется отъ нея ни на мигъ.

Вотъ юноша съ лучистыми глазами, обаятельно-забавный филозофъ, такъ нѣжно и наивно мечтавшій о счастьѣ всего человечества, безобразно болтается въ петлѣ,—синій, раздувшійся трупъ. А возлѣ трупа записка:

„Я не хочу больше жить, потому что жизнь—злое и безнаказанное издѣвательство!“

Зачѣмъ же человѣку даются такія огромныя силы, такіе пышные богатые дары, если все это съ ехиднымъ издѣвательствомъ калѣчится, кромсается, загаживается? Пусть бы калѣчилося что-нибудь дрябленькое, но Гаринъ, куда ни посмотреть, видитъ могучія силы, созданныя для счастья и творчества. Онъ рассказываетъ (въ очеркѣ „Геній“) о великомъ гениальномъ математикѣ, который по титанической работѣ ума могъ бы сравняться съ Ньютономъ; онъ сдѣлалъ грандіозное открытіе, ему подобающаго безсмертная слава, но, по насмѣшкѣ проклятой судьбы, это открытіе было сдѣлано раньше и давно уже извѣстно всему свѣту:

— Сомнѣнья нѣтъ!—говоритъ одинъ старый профессор,—вы дѣйствительно сдѣлали величайшее изъ всѣхъ въ мірѣ открытій: вы открыли дифференціальное исчисленіе... Но, къ несчастью для васъ, Ньютонъ уже открылъ его двѣсти лѣтъ назадъ.

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій въ молодые годы.

И вотъ грязный, лохматый, никому не нужный, смѣшной пробирается среди коростливыхъ дѣтей на свой темный вонючій чердакъ этотъ сверхъестественно одаренный мыслитель, который могъ бы осчастливить весь міръ откровениями, а пригодился лишь на то, чтобы быть посмѣшищемъ и забавой мальчишекъ!

Каждая страница Н. Гарина вопіетъ о такихъ трагически-погубленныхъ силахъ. Вспомните его повѣсть о томъ мужикѣ-пастухѣ, который самоучкою съ неимовѣрными жертвами выдержалъ экзаменъ на священника. „Трудъ Ломоносова блѣднѣетъ предъ этимъ трудомъ“,—говоритъ Гаринъ о его жизненномъ подвигѣ. Но въ священники онъ не попалъ—деревня его не пустила:

— А ты умѣе отцовъ хочешь быть?! Врешь, не будешь!

Насчитали на него сотни рублей недоимки, и такъ какъ уплатить было нечѣмъ, то теперь этотъ Ломоносовъ пьетъ горькую, валается по кабакамъ и буянитъ.

Слившійся, кабацкій Ломоносовъ, и сумасшедшій Ньютонъ, и красавица-царевна Дульцинея, покрытая струпьями дурной болѣзни, — въ этой отвратительной группѣ вѣчное мemento для Гарина.

Страшная машина наша жизнь! Какая-то огромная фабрика для калѣченія и коверканія душъ!

Гаринъ съ содроганіемъ слѣдитъ, какъ весело и лихо работаетъ эта неустанная фабрика, какъ вертятся, сверкая, колеса, съ мягкимъ и даже пріятнымъ похрустываніемъ ломающаго человѣческія кости и выматывающаго жилы человѣческія съ успокоительнымъ, усыпительнымъ шелестомъ.

Онъ смотритъ, какъ одинъ за другимъ швыряются въ эту машину людишки,—гении, герои, мудрецы, созданные для невообразимаго счастья,—и герои въ нѣсколько мгновеній выплевываются, изжеванные, дрянненькіе, мятые...

— Слѣдующій! Слѣдующій! Слѣдующій!—машина разгулялась во-всю! Сунь въ нее Наполеона или Канта, и тѣхъ она расплющитъ моментально. Вотъ кинули въ нее Ломоносова, она сдѣлала изъ него пьяную дрянь. Попался въ нее Ньютонъ, и вышелъ юридическій нищій, лохматое и грязное пугало. Вотъ Бортовъ (изъ рассказа „Клотильда“), блестящій инженеръ, вдохновенный работникъ, съ какой-то чайльдъ-гарольдовской магіей въ сердцѣ, мелькнулъ и превратился въ полутрупъ. Вотъ Акулина, Клотильда, Одарка, цѣлыя гекатомбы очаровательныхъ поэтическихъ женщинъ, такъ и мечтаетъ въ этотъ всепожирающій зѣвъ. Одарка была легендарно прекрасна, Тѣмъ хотѣлось упасть передъ ней и молиться, но черезъ годъ онъ увидѣлъ Одарку опять и въ ужасѣ отпрянулъ, изумленный*).

Особенно часто въ твореніяхъ Гарина жизнь расплющиваетъ, ломаетъ и рветъ хрупкія женскія души. Гаринымъ написано множество повѣстей и рассказовъ на эту драгоцѣнную тему, изъ нихъ самый потрясающій—„Заяц“, гдѣ съ чисто-толстовской изобразительной силой нарисованъ тотъ каторжный адъ, который у насъ зовется семьей, и въ которомъ изо дня въ день колесуется и четвертуется женщина.—„Изъ святыни брака устроили ужасы и пытки, съ которыми не равняется никакое рабство, никакіе ужасы инквизиціи!“—кричитъ онъ на каждой страницѣ и въ драмѣ „Орхидея“, и въ очеркѣ „Встрѣча“, и въ пламенной импровизациі „Правда“. Есть у него рассказъ изъ пролетарскаго быта, гдѣ эпически подробно рассказывается, какъ обыкновеннѣйшіе сынъ и отецъ, нисколько не злодѣи и не изверги, спокойно надѣваются на свою жену и сноху заранѣе приготовленныя желѣзныя путы и методически избиваютъ ее до крови, до потери сознанія, по ногамъ, по головамъ, сапогами („Акулина“, „Деревенскія панорамы“).

Съ изумленіемъ ребенка и поэта глядитъ онъ на такое палачество. „Люди! да что же вы дѣлаете?“ Куда онъ ни поѣдетъ, куда ни посмотритъ,—„люди! да что же вы дѣлаете?“ Зачѣмъ этого рыхлага, больного еврея вы изъ его же норы гоните, на улицу? („Старый еврей“). Что вы сдѣлали съ незаконнорожденнымъ Димомъ, зачѣмъ отняли у него отца и сестеръ, зачѣмъ колоди и колоди иголками его прелестное дѣтское сердце, покауда не закололи совѣмъ? („Дворецъ Дима“).

Мысль объ истязаніи дѣтей доводитъ Гарина до изступленія, до судорогъ. Дѣтей онъ боготворитъ,—самъ дитя! Въ этомъ застѣнкѣ, какимъ ему представляется жизнь, его больше всего ужасаютъ крики неязуемыхъ маленькихъ. Въ сказкѣ о волшебницѣ Ашамъ, въ повѣсти „Дѣтство Тѣмы“, въ „Исповѣди отца“, въ рассказѣ объ умирающемъ Димѣ имъ многообразно заклеяно это звѣрство—тѣлесное наказаніе дѣтей!

И вѣдь съ виду, снаружи, для поверхностно-скользящаго взгляда, этотъ застѣнокъ—совѣмъ не застѣнокъ, а пріятнѣйшій и уютнѣйшій домъ. Гарина это всегда волновало. У него есть очень рельефный рассказъ:—„Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыщевой“—о томъ, какъ идиллически-мирно, благолѣпно, благодушно, благородно у насъ живутъ грабежомъ и мучительствомъ!

V.

Но если жизнь—издѣвательство, пытка, застѣнокъ, то не слѣдуетъ ли ее проклясть и отвергнуть?

Недавно чуть не всѣ наши книги,—драмы, романы, стихи,—изливались такими проклятьями.

Чуть не въ каждой мы читали такое:

* См. повѣсть „Гимназисты“, глава I, а также рассказы: „Акулина“, „Три дня“, „На ночлегѣ“.

Н. Г. Гаринь-Михайловскій.

„Вали меня на-земь, вали, я буду смѣяться и кричать: будь проклята! Клещами смерти зажми мнѣ ротъ, послѣдней мыслью я крикну въ твои ослиныя уши: будь проклята, будь проклята!.. Я не знаю, кто ты — Богъ, Дьяволъ, Рокъ или жизнь, — я проклинаю тебя“.

Такой анаемой звучали тогда наши излюбленные, кровныя книги.

„Кто это, Чортъ или Дьяволъ, кто это смѣется надъ нами?“ — читали мы у Сергѣева-Ценскаго.

„Какой это Шутникъ, какой Негодяй и Жуликъ пакостить и оскверняетъ весь мѣръ?“ — спрашивалъ, стаяя, А. Ремизовъ.

Гарину эти стenanія несвойственны. Проклинать мирозданіе, отвергать всю вселенную, бунтовать противъ Господа Бога ему показалось бы хоть и эффектнымъ, но совершенно никчемнымъ занятіемъ. „Если жизнь — застѣнокъ и дыба, то не зачѣмъ ее проклинать, а давайте перестроимъ ее!“ — сказалъ бы онъ съ инженерской энергіей. Въ каждомъ злѣ ему нравилось то, что оно искоренимо, устранимо. Онъ не былъ бы Гаринымъ, не былъ бы Тѣмой, если бы безоглядно, капризно, тысячу разъ не бросался на эту лихую машину, кромсающую, рвущую, кровавящую живое человеческое мясо. — и не пробовалъ бы ее остановить, удержать, и не отлеталъ бы отъ нея всякій разъ, какъ ламанчскій рыцарь отъ мельницы!

Единственный порывъ его книгъ: обрадовать, осчастливить людей. Всѣ его тревоги и заботы были только о человеческомъ счастьѣ: другихъ у него не было помысловъ. Его книги — рецепты счастья, гиды и путеводители къ счастью. Человѣчество еще дождется до счастья! — это онъ ощущалъ всѣми нервами. Всюду онъ видѣлъ залогъ и обѣтованіе счастья. Счастье уготовано намъ, оно отъ насъ нигуда не уйдетъ, нужно только до него добраться. Одна его дѣтская сказочка не даромъ кончается такъ:

„Погибнетъ злой волшебникъ, а съ нимъ исчезнетъ и тѣма, и увидать тогда люди, что для всѣхъ есть счастье на землѣ!“ („Книжка Счастья“).

Для него это не было сказкой, онъ воплощалъ эту сказку въ дѣйствительность. Оттого-то онъ такой жизнерадостный, оптимистическій, вселенный талантъ:

Жалобъ не надо: что радости въ плачѣ?
Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе!

Все будетъ иначе! — о чемъ же печалиться? Разрушая этотъ гадкій застѣнокъ, перестраивая его въ храмину счастья, онъ чувствуетъ себя возмущеннымъ работникомъ въ разгарѣ спорной и удачливой работы. И замѣтитъ, онъ ищетъ не „Синюю Птицу“, не смутно-поэтическаго, сказочнаго, легендарно-неуловимаго счастья, а самаго земного, житейскаго. Онъ ничуть не метафизикъ, не философъ, и отдастъ бы всего Канта съ Декартомъ, лишь бы

хлѣбъ подешевѣлъ на копейку. Покуда вы шпыняете женщинъ въ животь сапогами и пухнете отъ лютаго голода, — какая же возможна метафизика! Вамъ не метафизика нужна, а говядина. Займитесь прозой, скучнѣйшими буднями, довольно залезать за облака!

Не нужно намъ плохихъ стиховъ,
Намъ нуженъ хлѣбъ, намъ деньги нужны!

Посмотримъ дѣловитымъ хозяйственнымъ глазомъ на русскую деревню, русскую промышленность, русское желѣзнодорожное дѣло, русскій семейный укладъ, всмотримся серьезно и трезво: не отъ этихъ ли прозаическихъ и скучноватыхъ причинъ — та неизбѣжная русская скорбь, то надругательство надъ человѣческой личностью, которое такъ волнуетъ писателя?

И вотъ въ своихъ книгахъ Гаринъ дѣлаетъ какъ бы ревизію Россіи, ревностно изучаетъ тѣ скучные, неопозитичные факторы человеческого довольства и счастья, коими не интересовался доселѣ ни одинъ еще русскій поэтъ, и — чудо! — у него подъ перомъ эта проза превращается въ поэзію, это „скупное“ становится захватывающимъ.

Итоги своей грандіозной ревизіи, ея, такъ сказать, протоколы онъ заноситъ на страницы своихъ книгъ; поэтому его сочиненія распадутся на такіе отдѣлы:

Записки инженера.

Записки хозяина.

Записки о семьѣ и воспитаніи.

И такъ дальше и такъ дальше. Какъ у всякаго ревизора, цѣли у него всегда самыя практическія, непосредственно-необходимыя для жизни: „это нужно переменить, переждать, а вотъ это совсѣмъ устранить“. Онъ по своей торопливости хотѣлъ бы немедленно видѣть практическіе результаты своихъ книгъ; иначе ему неинтересно писать.

Въ Россіи это ново и неслыханно. У насъ и Достоевскій, и Толстой, и всякій самый маленькій писатель — рѣшали до сихъ поръ только вселенскіе типы, міровыя проблемы, а проблемы благополучія и сытости считались мелкими, мѣщанскими, низменными. Гаринъ, первый изъ русскихъ художниковъ слова, вступилъ на этотъ только-что открывшійся путь. Былъ, правда, у насъ Чернышевскій, но вѣдь онъ нисколько не художникъ. У Гарина же не статьи, ни публицистика, а сильное, оригинальное искусство. Свою хозяйственную боль о всѣхъ и о русскихъ страдающихъ людяхъ онъ выливаетъ въ такіе полнокровные образы, что всякая статья поневолѣ превращается у него въ беллетристику.

Напримѣръ, его повѣсть „Трясина“ о раздавленномъ, погибшемъ Ломоносовѣ написана лишь для того, чтобы обличить ненавистную общину, которую Гаринъ считалъ источникомъ множества бѣдствій. А его коротенькій набросокъ „Старый еврей“ есть воззваніе къ русскому обществу о необходимости раскрѣпощенія евреевъ. Очеркъ „Правда“, это — страстный памфлетъ противъ семейнаго безправія женщины, и т. д., и т. д.

Но нечаянно, сами собой, такіе памфлеты, воззванія и проповѣди наполнялись толпами женщинъ, купцовъ, офицеровъ, актеровъ, инженеровъ, мужиковъ, нарисованныхъ энергическимъ, дерзкимъ, небрежнымъ, сильнымъ штрихомъ, начинали звучать діалоги, переданные съ артистической чуткостью, все это облакалось элегіей, лирикой, юморомъ — и публицистика на глазахъ у читателя превращалась въ произведеніе искусства.

Когда покойный экономистъ А. М. Рыкачевъ, авторъ извѣстнаго ученаго трактата о деньгахъ (отправившійся на эту войну добровольцемъ и доблестно погибшій въ сраженіи), обратился ко мнѣ года четыре назадъ съ вопросомъ, неужели современная наша словесность живетъ лишь этическими и философскими темами, а поэзія техническаго строительства жизни, промышленно-экономической дѣятельности еще никакъ не воплотилась въ беллетристику, я могъ указать публицисту-ученому на одного только Гарина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ни одного плѣннаго.

Очеркъ С. Фесенко.

Объ этомъ говорили давно...

Но это было такъ кошмарно, такъ ужасно и невѣроятно, что не только офицеры, но даже нижне чины, всегда склонные вѣрить сказочному и вымышленному, считали эти слухи просто до-сужими тыловыми сплетнями.

— Отвѣлиси, нечего имъ тамъ дѣлать въ теллѣ, вотъ и брешутъ зря...

Окопники всегда слегка презираютъ тыловыхъ, которымъ живется и легче, и сытнѣе, и безопаснѣе.

Не вѣрилось въ это главнымъ образомъ еще и потому, что жизнь на позиціи въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, въ такихъ условіяхъ, когда наши окопы мѣстами чуть не вплотную подходили къ вражескимъ, создала своеобразныя виѣбовныя отношенія, въ большинствѣ случаевъ не лишеныя юмора и добродушія.

Въ долгіе, бездѣятельные и томительные часы окопнаго слѣднія, когда стрѣлять было и лѣнь и бесполезно, наши наряжали чучело толстаго брюхатаго вѣнца съ краснымъ носомъ, съ вильгельмовскими закрученными вверхъ усами, высовывали его изъ окопа и подъ гармонику „валяли петрушку“.

Нѣмцы иногда весело гоготали, иногда разстрѣливали чучело, при чемъ наши помирали со смѣху и кричали:

— Что же вы, черти, въ своего стрѣляете!..

Переписывались, выставляя плакаты, или швыряли записки, заворачивая въ нихъ камни.

Многихъ изъ своихъ близкихъ противниковъ наши солдаты не только знали въ лицо, но даже по именамъ, и нерѣдко отправлялась записка такого содержания:

„Отчего Ганца не видно, вѣроятно, пивомъ опился?“

„Ганца скоро увидите, скоро васъ всѣхъ заберемъ“, — получался отвѣтъ.

Тогда на плакатѣ рисовали огромный кукишъ, а иногда и что-нибудь похуже.

Нерѣдко обмѣнъ такими любезностями заканчивался перестрѣлкой, и по всей линіи разгорался настоящій бой.

Словомъ, казалось, что мы знаемъ своего врага и всѣ приемы его борьбы съ нами.

Такъ въ перестрѣлкахъ, въ атакахъ, не имѣвшихъ большого значенія, въ артиллерійскихъ поединкахъ прошла зима. Ждали

НИВА

1915 г.
№ 48

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVI г.
изданія

Выданъ 28-го ноября 1915 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

Цена этого № (безъ прилож.)—15 к., съ перес.—20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

для печатанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ за строку непарель въ одинъ столбецъ (въ 1 1/2 ширины страницъ): передъ текстомъ и на первой страницѣ послѣ текста

1 р. 75 к.; на послѣдней страницѣ обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стран. 1 р. 25 к.

Къ этому № прилагается „Почт. собр. соч. Мамина-Сибиряка“ кн. 16.

Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на
журналъ

„НИВА“

1916 г.

Подписная цѣна
на годъ:

Съ пересыл-
кою во всѣ
города и
мѣстности
Россіи

10 р.

52 №№ ЖУРНАЛА
52 КНИГИ, въ которыя войдетъ
40 книгъ „БОРНИКА НИВЫ“

ВТОРАЯ СЕРІЯ
ПОЛН. СОБР. СОЧИНЕНІИ

Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ

Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО

НОВЫЯ
ВОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІА

А. П. ЧЕХОВА

РОМАНЪ
ШАРЛЯ ДЕ-КОСТЭРА

„БИБЛІЯ БЕЛЬГИИ“

12 книгъ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІИ

2 ГЕНЕРАЛЬНЫЯ КАРТЫ 2-го формата: 1) западнаго театра войны; 2) западно-европейскаго

театра воен. дѣйствій (составилъ проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО)

12 №№ Новыишихъ Модъ... 12 Листовъ Рукъдальнъ Работъ... Вымпорекъ

1 Отрывной Ежемѣсячный Календарь на 1916 г.

Въ Петроградѣ:

Безъ
доставки **8 р. 50 к.**

Съ до-
ставкою **9 р. 50 к.**

Безъ доставки:

1) въ **Москвѣ:**
въ конторѣ Н. Н.
ПЕЧКОВСКОЙ. **9 р. 25 к.**

и 2) въ **Одессѣ:**
въ книжн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“. **9 р. 50 к.**

Подробное объявленіе см. въ № 44 на стр. 804^а—804^з.

ЖЖВА

№ 48. Выходит еженед. (52 №№ в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯНА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА и М. МЕТЕРЛИНКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 №№ „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. черт. и выкр.
Выданъ 28 ноября 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Кровь, вопіющая къ небу. Миссъ Эдитъ Кавель.—„Виргилій наскомоныхъ“—Жанъ-Анри Фабр.—Женщины-героини.—Путеводитель къ счастью. (Н. Гаринъ), Критическій этюдъ К. Чуковского. (Окончаніе).—„Мадонна“. Разсказъ Георгія Павлова. (Окончаніе).—М. Г. Савина.—На Сайменскомъ озерѣ. Разсказы Ю. Волина.—Заявленіе.—Объявленіе.

Р И С У Н К И: Памятникъ на могилѣ Н. Г. Гарина-Михайловскаго.—2 карты театра военныхъ дѣйствій на Балканахъ.—Миссъ Эдитъ Кавель.—„Виргилій наскомоныхъ“—Жанъ-Анри Фабр.—На кавказскомъ фронтѣ (3 рис.).—Кавказскія войска въ долинѣ рѣки Евфратъ.—Н. Г. Гаринъ-Михайловскій (6 портр. и группа).—М. Г. Савина (9 портр.).—Каменецъ-Подольскъ (4 рис.).—Уничтоженіе водки (2 рис.).—Англійскій военный агентъ полковникъ Ноксъ и полковникъ П. П. Родзянко на передовыхъ позиціяхъ.—Англійская военная миссія, посѣтившая Петроградъ и отправившаяся въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго.—Письмо въ окопы. Рисунки В. Сварога.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Д. Н. Мамина-Сибиряка“ книга 16.

Памятникъ на могилѣ Н. Г. Гарина-Михайловскаго на Литераторскихъ Мосткахъ Волкова кладбища въ Петроградѣ.
По фот. Л. Штейнберга.

Путеводитель къ счастью.

(Н. ГАРИНЪ).

Критическій этюдъ К. Чуковского.

(Окончаніе).

Н. Гаринъ.

VI.
Казалось бы, къ какой же практической дѣятельности способенъ этотъ младенчески-простодушный мечтатель, порывистый энтузиастъ, увлекающійся, необузданно швыряющій деньгами?

А между тѣмъ это былъ гений хозяйственности, вдохновеннѣйшій практической умъ. Единственный изъ всѣхъ русскихъ писателей—поэтъ дѣловитости, экономики, практики.

Будь его воля, онъ бы всей Россіи устроилъ ремонтъ, переделалъ бы Россію по-своему, — практичѣе, умнѣе, дѣловитѣе. Не даромъ же былъ инженеръ! Всюду, куда онъ ни глянетъ, онъ видитъ колоссальныя богатства, которыя пропадаютъ напрасно, ибо ихъ никто не умѣетъ использовать: безмѣрные богатѣйшія силы, которыя гибнутъ впустую; таланты, зарываемые въ землю, убытки, разореніе, безхозяйственность!

И часто онъ восклицалъ въ изумленіи:

— Вѣдь вы миллионеры, вы Ротшильды, зачѣмъ же вы гниете въ нищетѣ?!

И указывалъ намъ на каждомъ шагѣ, какъ сверхъестественно мы непрактичны.

— Вы только вникните, вы только подумайте! Во всемъ мірѣ нѣтъ такого изобилія рыбы, какъ на нашей дальневосточной окраинѣ! Хоть руками ее лови! Цѣлый пудъ не дороже копейки! А поселить се нечѣмъ, нѣтъ ледниковъ, нѣтъ соли, и значить нѣтъ сбыта, нѣтъ вывоза—и вотъ изъ-за пустяка погибаетъ колоссальнѣйшее, богатѣйшее дѣло! Край, откуда Россія могла бы извлечь столько золота, каменнаго угля, руды, превращается въ паразитную пьявку, которая присосалась къ Россіи.

— И это всюду, во всемъ, во всемъ... Мы сами себя бьемъ и рѣжемъ, — доказываетъ онъ на каждомъ шагѣ.

— Зачѣмъ, напримѣръ, мы не выжжемъ, не вырубимъ тотъ загнивающій лѣсъ, которымъ по дорогѣ въ Иркутскъ заняты огромныя пространства? Ихъ хватило бы на десятки миллионъ людей, а теперь для одного человѣка едва ли найдется въ нихъ мѣсто!

— Почему пустыютъ монгольскія степи? Могли бы быть великолѣпныя пашни, и сколько рыбы въ ихъ многоводныхъ озерахъ! Сколько соды! Сколько охры! Сколько дичи!

— И почему мужики такъ густо засѣваютъ поля? Выбрасываютъ на вѣтеръ каждую весну миллионы и миллионы рублей!

— И знаете ли вы, сколько ежегодно теряетъ Россія изъ-за безсмысленной системы? Полтора ста миллионъ десятинъ!

— И сколько миллионъ рублей ею теряется въ годъ изъ-за ширококолейныхъ желѣзныхъ дорогъ! И такъ дальше, и такъ дальше... *).

Онъ вѣчно подсчитываетъ наши убытки и, захлебываясь, волнуясь, указываетъ, какіе огромные могли бы быть у насъ барыши. Ежеминутно составляетъ онъ смѣты всѣхъ нашихъ хозяйственныхъ дѣлъ и цифрами доказываетъ намъ, что мы завтра неминуемо банкроты!

— Опомнитесь, покуда не поздно! — встряхиваетъ онъ и будоражитъ читателя. — Подумайте, какая будетъ великолѣпная райская жизнь, какъ фактически преобразится Россія, если вы сбросите съ себя эту сонную одурь и возьметесь наконецъ за работу!

Въ каждомъ радъ бы онъ вложить свою пламенную энергичную кровь!

Съ благоговѣніемъ онъ повѣствуетъ о какомъ-то пионеръ-хозяйинѣ, который завелъ у себя культуру люцерны и клевера, мака, чечевицы, подсолнуховъ, т.-е. героическимъ напряженіемъ воли преодолѣвъ окружающій безхозяйственный хаосъ. Русскій американецъ Юшковъ, проявившій столько инициативы въ хозяйствѣ, точно также окруженъ ореоломъ.

Теперь эти наболѣвшія темы особенно для насъ драгоцѣнны.

Скорбь о неустроенности русской земли — нынѣ наша общая скорбь.

Теперешнія роковыя событія обнаружили съ трагической

ясностью безхозяйственность русскаго быта и тѣ катастрофы и ужасы, которыми она угрожаетъ.

Теперь мы съ удесятенною чуткостью внимаемъ этимъ (неуслышаннымъ прежде) призывамъ къ обновленію, къ „ремонту“ Россіи.

Но Гаринъ не только зоветъ. Практическій инженеръ и хозяйинъ, чуждый всякихъ доктринерскихъ теорій, онъ опредѣленно указываетъ на конкретныя изъязны и прорѣхи въ нашей экономической практикѣ *).

И считаетъ, считаетъ убытки. Здѣсь его величайшая страсть. Не можетъ не испещрять свои книги цѣнами, рублями, копейками, верстами, пудами, процентами, выкладками, вычислениями, смѣтами!

И чудо: эти мертвыя цифры становятся у него огненно-жгучими!

Онъ мучительно волнуетъ читателя, ибо авторъ только за тѣмъ слѣдитъ—и демонстрируетъ съ ослѣпительной яркостью, какъ больно онъ ударяютъ въ итогѣ по живому человѣческому мясу, коля, кромсаая, коверкая!

Его ариеметика неизмѣнно обрызгана живой человѣческой кровью!

Вотъ крошечный набросокъ „На ночлегѣ“—десять мимолетныхъ страницъ. Авторъ случайно очутился въ избѣ, гдѣ, въ ядовитѣйшей пыли, надъ какимъ-то допотопнымъ станкомъ надрываются замученные люди. Быстро, легко, виртуозно, мѣткимъ, энергиче-

Н. Гаринъ

скимъ штрихомъ очертывъ этихъ истомленныхъ страдальцевъ, онъ съ обычной своей стремительной пылкостью принимается за свою ариеметку:

— Много зарабатываете?

— Полтора рубля въ недѣлю.

— Это сколько же въ день? Въ сутки двадцать пять копеекъ? По копейкѣ за часъ?

— Этакъ.

*). Эти жалобы на безхозяйственность русскаго быта являлись мною пѣть книгъ Гарина: „Въ суголокѣ провинціальной жизни“ и „Дневникъ во время войны“. Чуть ли не всѣ его книги полны этихъ жалобъ. Характерно, что въ самомъ разгарѣ русско-японской войны Гаринъ, въ качествѣ военнаго корреспондента, пишетъ изъ Харбина и Мукдена о сельскомъ хозяйствѣ у китайцевъ, о тѣхъ стовляныхъ, масляныхъ, желѣзнодорожныхъ, мукдомальскихъ заводахъ, которыя видѣть можно въести.

*). Да и въ политикѣ его увлекала лишь экономическая ея сторона: покуда не разочаровался въ общинѣ, былъ народникомъ; разочаровался и сталъ социаль-демократомъ. Но политическія убжденія Гарина въ его книгахъ не отражались никакъ.

— На работника по шести копеек?
А привезти да отвезти пряжу! Еще два дня съ мужикомъ и съ лошадей прикинь.
И тяжелая работа?
Нѣтъ ея тяжелѣе.
— А воздухъ какой? Отъ него вѣдь не долго проживешь на бѣломъ свѣтѣ!..

Здѣсь онъ дѣлаетъ ужасное открытіе, которое ошеломляетъ его. Оказывается, эти несчастные тридцать второй уже годъ терпятъ свою безпросвѣтную каторгу лишь потому, что за все это время у нихъ не было лишняго десятка цѣлковыхъ, чтобы купить для станка какой-то пустяковый челнокъ, облегчающій и ускоряющій работу. и что такимъ образомъ они потеряли огромную, невѣроятную сумму: около девяти тысячъ рублей!

Десятитысячный феноменальный убытокъ изъ-за десятирублевой бумажки!

Каждый гривенникъ могъ бы дать этимъ нищимъ около сотни рублей! Но не было, не было гривенника!

Онъ снова провѣряетъ свои вычисления. Нѣтъ, онъ не сдѣлать ошибки. Онъ сообщаетъ хозяйкѣ эти потрясающія, жуткія цифры: вѣдь вся жизнь ихъ была бы иною: ихъ лица не были бы такъ зелено-желты, ихъ изба не развалилась бы въ прахъ!

Хозяйка слушаетъ его въ отчужденной тоскѣ.

— У васъ была бы такая пенсія, такое состояніе! — все больше волнуется онъ.

Она же говоритъ равнодушно:

— Суета безкорыстная!..

— Какъ вы сказали?

— Говорю: суета безкорыстная — вся наша работа.

И, отойдя къ самовару, то разсыпано, то убѣжденно твердить:

— Суета безкорыстная.

Такова „арифметика“ Гарина. Отъ каждой цифры тянется нить къ человѣку, къ живому человѣческому сердцу. Я нарочно обѣднилъ, оголилъ этотъ очеркъ, смылъ съ него его многоцвѣтные краски, оставилъ лишь остовъ, скелеть. но, повторяю, въ томъ-то и своеобразіе Гарина, что онъ умѣетъ свои самыя прозаичныя темы превращать въ поэзію, въ искусство! Прочтите, напримеръ, очерки: „На ходу“, или „Деревенскія панорамы“, или „Въ усадьбѣ помѣщицы Ярыцовой“, или „Путешествіе на луну“ и вы съ удивленіемъ увидите, что изъ хозяйственной, житейской арифметики у Гарина какимъ-то волшебствомъ выходятъ драмы, трагедіи, поэмы, богатые волнующіе образы, полнокровныя произведенія искусства!

Это потрясающе ново! Мы такой косный народъ, что у насъ только и рождались поэты пассивности, нирваны, недѣланія, но поэзія хозяйства и дѣла до Гарина казалась невозможной.

VII.

Онъ первый перенесъ эконоимику изъ области ума въ область сердца, сдѣлалъ изъ нея свою кровоточащую рану, которую полюбилъ бередить.

При встрѣчѣ съ мужиками не могъ не разспрашивать о скотинѣ, о кормахъ, о безлошадныхъ, и какъ зерно? — и какъ урожай? — и какъ цѣны? и нерѣдко распался до слезъ.

Мужики охотно передъ нимъ канителили о своихъ унылыхъ дѣлахъ, а онъ слушаетъ, бывало, ихъ нудныя рѣчи, и южное его возбужденіе освѣщаетъ передъ нимъ, какъ прожекторомъ, кипучія и згучія картины. Тысячи разнообразныхъ мученій и мучениковъ возникаютъ у него предъ глазами, и, видя ихъ муки, онъ порывается вновь:

— Эхъ, передѣлать бы все!

И при первой возможности бросаетъ свое инженерство, покупаетъ дорогое большое имѣніе и, какъ всегда, нетерпѣливо, стремительно принимается за эту „передѣлку“, но мужики, не понявъ его бурнаго натиска на издревле установившіяся, прочно налаженный бытъ, сжимаютъ его великолѣпную мельницу, молотилку, амбары, весь хлѣбъ, причиняютъ ему грандіозный убытокъ на тысячи, десятки тысячъ рублей — и тѣмъ самымъ вытѣсняють его изъ деревни, какъ лютаго, заклятаго врага!

Его, который раздавалъ имъ, не считая, свои „ненужныя“ деньги, который плакалъ въ подушку слезами восторга, когда ему хоть чуть удавалось улучшить ихъ горькую жизнь, который уничтожилъ кабаки, завелъ школу, организовалъ медицинскую помощь, освобождалъ ихъ отъ кулаковъ-мироѣдовъ, училъ и училъ ихъ на каждомъ шагу культурному, рациональному хозяйству, — они казнили безпощадно и яростно, и вышвырнули прочь отъ себя, зная, что пожаръ — для него разореніе, ибо онъ не страховалъ ничего, изъ деликатной боязни оскорбить ихъ своимъ недоверіемъ!

Они предпочли ему тѣхъ самыхъ кулаковъ-разорителей, отъ которыхъ онъ мечталъ ихъ спасти.

Въ его замѣчательной книгѣ „Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ“ (которая является, въ сущности, классическими „Записками хозяйина“ единственными въ нашей словесности, подъ стать „Запискамъ судьи“ А. Ф. Кони и „Запискамъ врача“ Вересаева) съ колоссальной изобразительной мощью описанъ этотъ проклятый пожаръ. Вы переживаете его, какъ личную свою катастрофу, вы отдали бы, кажется, все, лишь бы его не случилось. Но Гаринъ не только не проклялъ озвѣрѣлыхъ мужиковъ-поджигателей, не только простилъ ихъ отвратительный грѣхъ, а самъ же черезъ нѣсколько лѣтъ всенародно передъ ними покаялся съ той же

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій въ послѣдніе годы жизни.

необузданной страстностью, которой отличался и Тѣма, когда просилъ отрѣзать ему руки, или иллонуть прямо въ лицо.

„Я нагло нарушалъ всѣ законы ихъ жизни... я посягалъ на ихъ священныя права... — говоритъ онъ въ своихъ позднѣйшихъ „Запискахъ хозяйина“, которыя названы имъ „Въ сутолокѣ провинціальной жизни“ и служатъ продолженіемъ предыдущихъ. — Я былъ деспотомъ, крѣпостникомъ, помпадуромъ!“

И признаетъ такимъ образомъ, что достоинъ быть понести эту кару.

А между тѣмъ весь его деспотизмъ заключался единственно въ томъ, что онъ экзальтированно, вдохновенно, азартно, съ упрямствомъ фанатика (или ребенка?) гналъ и толкалъ мужиковъ къ благополучію и сытости! Они упирались, не шли, а онъ, горячій, увлеченный реформаторъ, готовъ былъ арканомъ тянуть ихъ, насильно, противъ ихъ сознанія и воли. — съ уготованный для нихъ сладостный рай.

— Хотя землю грызите, ничего не поможетъ! кричалъ онъ рутинерамъ-крестьянамъ, вводя какія-то крутыя реформы, направленные къ ихъ же благу.

— Батюшка, дай намъ недѣлку сроку!

— Минуты не дамъ!

Дальнѣйшій хозяйственный опытъ, конечно, внушилъ этому сѣдому ребенку другіе приемы борьбы съ крестьянской роковой безхозяйственностью, но не характерно ли, что даже въ такую идиллическую мирную область, какъ сельское хозяйство, агрономія, онъ умудрился внести столько вихрей, и смерчей, и бурь. Оба тома его „Записокъ хозяйина“ читаются, какъ сенсаціонный романъ, и такъ много въ нихъ драматизма и пафоса. Я и не подозревалъ никогда, что можно написать о хозяйствѣ такую возбуждающую, тревожную книгу, а у него даже разговоры съ приказникомъ о навозѣ, молотилкахъ, маслобойкахъ написаны такъ нервно и художественно, словно это пылкія любовныя сцены. Повторяю: писать неинтересно и скучно онъ даже при желаніи не могъ бы. Известно, что чуть не всѣ наши повѣсти изъ простонароднаго быта, при множествѣ несомнѣнныхъ достоинствъ, бываютъ такъ тягучи и сѣры, что безъ зѣвоты о нихъ нельзя и помыслить. А возьмите „Деревенскія панорамы“ Гарина, — все такъ и пляшетъ у него подъ перомъ. Не „панорамы“, а кинематографъ какой-то: лихо, эффектно, размахисто! Въ первомъ же разсказѣ „Магреннины деньги“ и отравленіе, и грабежъ, и убійство, и пожары, и привидѣнія, и вѣдьмы, все мелькаетъ и уносится въ вихрь!

Трудно понять, почему „Деревенскія панорамы“ не использованы до сихъ поръ кинематографомъ.

Н. Г. Гаринь-Михайловскій.

Онъ какъ будто созданы для этого. Вотъ хоть бы тотъ же „Дикій человекъ“, гдѣ въ чередованіи сильно-драматическихъ сценъ изображается, какъ озвѣрѣлый отецъ задушилъ и утопилъ своего сына. Та картина, въ которой матерый старикъ кидается, какъ Рѣпинскій Грозный, на оторопѣлаго парня и, убивъ, бросаетъ его въ прудъ, была бы для кинемо-театра находкой.

Авторъ называетъ свои „Деревенскія панорамы“ невеселой, печальной книгой. Въ началѣ ея Гаринъ говоритъ: „Тебѣ, болѣвшей душою за мракъ и нищету народа, тебѣ, моему другу-товарищу, женѣ моей, Надеждѣ Валеріановнѣ Михайловской, посвящаю я свою невеселую книгу“.

И только прочтя эту книгу, спохватываешься: неужели она о хозяйствѣ, о цифрахъ, деньгахъ, барышахъ и убыткахъ? Отчего же я такъ волновался? Характерно, что даже торговую сдѣлку, даже куплю-продажу, и ту онъ умѣетъ описать увлекательно, съ юморомъ и поэтическими блестками. Вспомните, какъ „покупалъ“ онъ кобылу и курицу въ миломъ очеркѣ „Мои скитанія“, или, какъ въ Рыбинскѣ „продавалъ“ онъ пшеницу какому-то пріѣзжему купцу. Это былъ его любимый сюжетъ. Вообще всякое прикосновеніе къ деньгамъ не затушено, не скрыто въ его книгахъ. Зависимость человека отъ денегъ ежеминутно демонстрируется тамъ. „Не въ деньгахъ счастье“,—говоримъ по привычкѣ. Для Гарина это не такъ: многія трагедіи и драмы его обалдѣлыхъ героев могли бы быть устранены трехрублевкой!

Привычка смотрѣть въ самый корень явленій, вникать въ экономическія, хозяйственныя отношенія людей придава о сужденіямъ о жизни надежную и прочную увѣренность. Его не ослѣпишь мишурой. Пусть въ его очеркѣ „Бабушка“ богачь-меценатъ Сапожковъ ошеломляетъ гостей сверхъестественно-роскошными ужинами,—эти гости, уѣзжая изъ великолѣпнаго замка, услышатъ отъ своего ямщика такую краткую, но неотразимую рѣчь:

— У Сапожкова въ гостяхъ, видно, были?

— Н-да...

— Ужъ такой негодяй, такой сквалыга, не накажи Господь. На вокзалъ, что ль?

— На вокзалъ.

— Но!.. Деньги въ срокъ за землю ему не принесешь, сейчасть къ земскому,—неустойку да судебныя издержки... Скотина ступить на его землю, опять три рубля штрафа... Такой негодяй... Онъ помолчалъ.

— А ужъ насчетъ дѣвокъ... гдѣ только застукать...

— Ну, дальше можешь не распространяться. Погоняй, хорошо подучишь!

Дальше распространяться и не о чемъ. „Экономика“ уже обнаружилась все.

Въ такую подоплѣку вещей Гаринъ всматривался на каждомъ шагѣ, и она его никогда не обманывала. Ни патріархальное благолѣпіе Ярыщевой, ни спесивое великолѣпіе Норучева не скроютъ отъ него подоплѣки ихъ неправосуднаго быта. Его книга „Въ странѣ желтаго дьявола“ есть цѣлая энциклопедія сибирскаго дальневосточнаго хозяйства, гдѣ на основаніи однихъ только экономическихъ фактовъ онъ такъ вѣско и пронизательно судитъ о нашей дальневосточной политикѣ, что за шесть лѣтъ до японской войны предсказываетъ не только ее, но и возможную побѣду японцевъ! Читая его книгу, теперь удивляешься, неужели тогда не нашлось никого, кто услышалъ бы этотъ предостерегающій голосъ. Чтобы судить о японцахъ, онъ отправился на заводы и фабрики, ибо только техника и экономика для него мѣрilo народовъ. Онъ былъ по своимъ инстинктамъ марксистомъ.

„Отъ всей души завидую японцамъ, признаю ихъ полное превосходство надъ нами“, писалъ онъ, ознакомившись съ ихъ „геніальнымъ“ желѣзнодорожнымъ строительствомъ.

Пробужденіе японской промышленности вызываетъ у него цѣлые гимны. Обращаясь къ Японіи, онъ пишетъ:

„Память о твоёмъ мощномъ, какъ въ сказкѣ, пробужденіи и возрожденіи будетъ однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни, будетъ большимъ, вновь забывшимъ источникомъ вѣры въ чудеса на землѣ“.

Только въ эти чудеса онъ и вѣритъ: чудеса экономики, техники, хозяйственнаго устройства жизни. Здѣсь онъ видитъ источникъ счастья,—въ желѣзныхъ дорогахъ, заводахъ и фабрикахъ, въ промышленной (пусть и капиталистической) дѣятельности, и — первый изъ русскихъ писателей—громко заявляетъ объ этомъ.

Онъ, энтузіастъ цивилизаціи, вѣритъ, что именно въ ней истинное спасеніе Россіи. Лишь она прекратитъ то катаніе человеческихъ душъ, которое для него такъ мучительно. И пожалуйста не говорите ему, что цивилизація ведетъ за собой растлѣніе нравовъ, развратъ, вырожденіе. Онъ специально затѣмъ написалъ свои „Деревенскія панорамы“, чтобы доказать (вопреки Льву Толстому), что все нравственное оскудѣніе деревни вызвано не культурной отсталостью, что ся огромныя духовныя силы тратятся на озорство и скотство отнюдь не потому, что въ ней мало толстовскихъ присноблаженныхъ Акимовъ, знающихъ только „таѣ“, а потому, что она вся состоитъ изъ такихъ неприкосновенныхъ къ культурѣ людей.

Нравственное оздоровленіе русской души—только въ хозяйственномъ строительствѣ жизни (*). Гаринъ это испыталъ на себѣ и въ своей автобіографической лѣтописи подробно повѣствуетъ объ этомъ.

УІІІ.

Эта лѣтопись состоитъ изъ четырехъ повѣстей: „Дѣтство Тѣмы“, „Гимназисты“, „Студенты“, „Инженеры“.

Тѣма былъ нѣжный и милый, но нравственно-неустойчивый мальчишкѣ. Онъ и лгалъ, и отбѣтки поддѣлывалъ, и даже предалъ однажды товарища.

— Негодяй!—кричалъ на него разъяренный отецъ, узнавъ о его дѣтскомъ воровствѣ.—Вонъ, негодяй! Въ кузнецы отдамъ!

Той идеалистической стойкости, которая будетъ такъ обаятельна въ сбѣдомъ пожимомъ инженерѣ, у юноши Тѣмы не замѣтно нисколько: онъ безхарактеренъ, безволенъ, пассивенъ. Въ какую сторону его ни толкни, въ такую и полетитъ безъ оглядки. Каждый вѣтеръ его гонитъ, куда хочетъ.

Эта шаткость почти непонятна въ такомъ активномъ волевымъ температурѣ, который въ немъ проявился въ послѣдствіи.

Сегодня онъ радикаль-демократъ, читаетъ Шелгунова и Писарева, а завтра бѣлоподкладчикъ-баричъ, упивается „Воскресшимъ Рокамболемъ“ и презираетъ недворянскую чернь.

То, подвляніемъ фатоватыхъ пріятелей, подноситъ столичнымъ феямъ бу-

* Этой же темѣ онъ посвящаетъ рассказы „Мои скитанія“ и „Картина въ Волнѣ“. Цивилизованный бытъ казался ему во многомъ святѣе и правдѣе некультурнаго патріархальнаго быта. „Вѣкъ пара и электричества есть вѣкъ нравственнаго обновленія людей“,—говоритъ онъ въ „Гимназистахъ“.

Н. Г. Гаринь-Михайловскій.
Одинъ изъ позднѣйшихъ портретовъ.

ксты, — заседаютай шато-кабака, — то съ гордоcтью жметъ черныя руки рабочиыхъ, цѣлуется съ закопченными угольщиками.

Даже получивъ аттестатъ инженера, онъ не знаетъ, куда себя ткнуть:

— Поступлю въ акцизъ! говорить онъ сегодня.

— Сдѣлаюсъ учителемъ! — рѣшаетъ онъ завтра.

И чуть не сталъ интендантскимъ подрядчикомъ, темнымъ и пронырливымъ дѣльцомъ.

Но тутъ случилось чудо, — разительное!

Тѣма перевоплотился и воскресъ!

Внезапно, въ какой-нибудь часъ, эта утлая и вѣртка ладья, швыряемая въ разныя стороны, по прихоти каждаго вѣтра, — словно мановеньемъ жезла превратилась въ отличный корабль и устремилась на вѣсхъ парусахъ къ маяку.

Что же могло такъ волшебнo переродить его душу?

Первое же инженерское дѣло: постройка Бендеро-Галацкой дороги.

Онъ явился на эту постройку щеголемъ въ модныхъ ботинкахъ, невѣждой, не годнымъ ни для какого труда, безъ знаній, безъ любви, безъ идеала, а къ окончанію работъ былъ уже тѣмъ удивительнымъ Гаринымъ, какимъ мы его знаемъ теперь.

Чуть этотъ лѣнливѣйшій изъ сибаритовъ прикоснулся къ увлекательному дѣлу строительства, онъ сталъ неузнаваемъ. Къ чорту полетѣло его золотое пенснэ: лакированныя ботинки туда же! — и онъ такъ бѣшено взялся за работу, что скоро само начальство попросило его обуздать свою энергию, а рабочіе — не въ силахъ за нимъ поспѣвать — разбѣжались отъ него въ разныя стороны:

Гонить, какъ на пожаръ! Ноги всѣ опухли! (Словно безъ ума! Развѣ такъ можно!

Напрасно въ этой горячій работы онъ предлагаетъ имъ отъ себя двойную поденную плату, они и слушать его не хотятъ:

— Заработаешь себя на больницку!

А онъ, разжигаясь все больше охотничьей всепожиряющей страстью (его предки были охотники ярые!), съсѣбживаетъ желѣзнодорожную линію, какъ звѣря, по горячимъ сдѣламъ, и, опьяненный неожиданнымъ счастьемъ, твердитъ:

Я умираю и опять живу!

Словно всю жизнь быть болѣнь, и вотъ впервые начинаетъ выздоравливать. Лѣкарствомъ оказалась работа. Всѣ первыя двадцать пять лѣтъ его жизни можно назвать непрерывной тоской по работѣ. Эта творчески-кипучая натура жаждала чуть не съ пеленъ живого насущнаго дѣла, но гимназія, семья, университетъ, институтъ вытравили, убивали эту жажду. Ему, рожденному для энтузіазма работы, насильственно прививалась апатія. Какъ опіумомъ, его одурманивали латинской грамматикой Кюнера, дремотными вокабулами, формулами: это умерщвление души называлось тогда воспитаніемъ.

Сердце рвется на просторъ,

Сердце жаждетъ дѣла. —

писалъ онъ въ полудѣтскихъ стишкахъ, но такъ-таки за все свое дѣтство, за всю свою юность ни разу не утолил этой жажды. Въ „Гимназістахъ“ онъ заклеилъ навсегда казенную систему воспитанія, доводящую дѣтей до истерикъ, самоубійствъ и обмороковъ, толкающую ихъ въ блудъ и развратъ; съ какой-то брезгливой тоской онъ показатъ въ этой повѣсти, какъ мечтательныхъ, горячихъ подростковъ, готовыхъ на все благородное, систематически изо дня въ день превращаютъ въ оголтелыхъ тупицъ, которые, не найдя въ окружающемъ, куда примостить свое сердце, поневолѣ уходятъ въ распутство, въ пьянство, въ картежъ и т. д.

То коверканіе души человѣческой, о которомъ онъ непрестанно екорбѣлъ, которое онъ съ особенной зоркостью умѣлъ подмѣтить

× Н. Гаринъ.

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій на инженерныхъ работахъ:—на съемкѣ въ лѣсу.

на каждом шагу, и которое составляло всегда самую его задушевную тему, здѣсь прочувствовано имъ съ повышенной болью.

— Каторга, смертная тоска и томленіе, — говоритъ онъ о своей постылой гимназій. Не даромъ кто-то называлъ его повѣсти безцѣнными трактатами о воспитаніи: въ нихъ наглядно и образно, съ огромнымъ педагогическимъ тактомъ, показано, какъ не нужно воспитывать!

Его стихійному порыванію къ живой плодотворной работѣ, встрѣтившему столько преградъ, впервые была предоставлена воля лишь на 25-мъ году его жизни, на той желѣзнодорожной постройкѣ, о которой мы сейчасъ говорили. Немудрено, что онъ воскликнулъ тогда:

— Я умираю и опять живу!

Немудрено, что въ своихъ „Инженерахъ“ онъ описалъ ее въ такихъ обольстительныхъ краскахъ. И не только въ „Инженерахъ“, а всюду, гдѣ она изображается хоть мелькомъ: въ „Клотильдѣ“, въ „Вариантѣ“, въ „Сутолокѣ провинціальной жизни“, въ очеркахъ „Вальнекъ-Вальновскій“, „На практикѣ“, „На ходу“, и т. д. Многія изъ этихъ твореній суть поэмы инженерскаго труда. Никогда еще въ русской словесности не звучало такихъ славословій постройкѣ туннелей, мостовъ, насыпанію насыпей, проведенію рельсовъ. Гаринъ съ такимъ упоеніемъ рассказываетъ о сваяхъ, ватерпасахъ, нивелирахъ, подрядчикахъ, десятникахъ, что увлекаетъ и насъ. — и каждая подробность его инженерскаго дѣла становится намъ странно-близкой, и мы вмѣстѣ съ нимъ торжествуемъ, когда по только-что проложеннымъ рельсамъ проносятся впервые паровозъ *)!

Въ очеркѣ „Вариантъ“ всѣ тревоги инженера Кольцова почему-то передаются и намъ. Этотъ Кольцовъ, на глазахъ у читателя, сдѣлалъ важное открытіе, составилъ какой-то великолѣпный проектъ, но казенная канцелярія, по своей бездарной апатіи, чуть не забраквала его. И въ теченіе рассказа мы непрерывно волнуемся, примутъ ли этотъ проектъ: — Кажется, примутъ... — Ахъ, нѣтъ!.. — Вотъ телеграмма съ отказомъ... — Но что скажетъ главный инженеръ?.. — Слава Богу, кажется, готовы принять... — Нѣтъ, забраквали совсѣмъ...

Такъ увлекательно писать о работѣ въ Россіи еще никто не

Н. Г. Гаринъ-Михайловскій.

умѣлъ. Мы до сихъ поръ были богаты поэзіи недѣланія, косности, смерти. Поэзія дѣйствія, труда и строительства не существовала у насъ и въ зародышѣ. Гаринъ первый открылъ эту новую область въ отечественной нашей поэзіи, и здѣсь его огромная заслуга. Нехорошо, что она прошла незамѣченной.

Онъ исповѣдуется и проповѣдуетъ пламенно ту великую религію труда, которую въ послѣдніе годы все больше проникается Горькій. Онъ указываетъ намъ на подвиги созидательной культурной работы, которые намъ предстоитъ совершить, и вдохновенно твердитъ:

— Симъ побѣдиши!

Только дружнымъ культурнымъ трудомъ удастся намъ такъ перестроить Россію, чтобы превратить ея скорби и боли въ праздничную пасхальную радость!

Мои замѣтки о Гаринѣ кончены, но мнѣ хочется хоть въ нѣсколькихъ строчкахъ напомнить о самой пѣтливѣйшей области его разнообразнаго творчества — объ очеркахъ изъ жизни дѣтей.

Онъ не то, чтобы со стороны намъ показывалъ забавную дѣтскую жизнь, нѣтъ, онъ навожденіемъ таланта и насъ превращаетъ въ дѣтей, погружая насъ въ самую атмосферу ребячества, дѣлалъ насъ Борьками, Тѣмами, Петями... Въ самомъ его неудачномъ рассказѣ стоило только появиться ребенку, и вся страница задрѣтеть, засеркаетъ.

Дѣтскія мысли, слова и діалоги онъ воспроизводитъ виртуозно.

— Ты, Ниночка, уже перестала плакать?

— Нѣтъ, мама, я отдыхаю только, я сейчасъ опять начну. („Полугай“).

Дѣтскія игры — труднѣйшая тема! — изображаютъ имъ во „Дворцѣ Дима“ съ неисчерпаемымъ богатствомъ оттѣнковъ. Вообще, какъ это ни странно звучитъ, дѣтская психологія выходила у него сложнѣе, многограннѣе, глубже, чѣмъ психологія взрослыхъ, часто весьма примитивная. Вспомнимъ его мучительно-хорошій рассказъ „Заяцъ“ — едва ли не лучшее изъ всего, что было написано имъ. Душа маленькаго Пети, распинаемаго на той безчеловѣчной Голгофѣ, какой была его родная семья, изображена съ несравненной пластичностью.

„Мадонна“.

Рассказъ Георгія Павлова.

(Окопчаніе).

Внутренность костела тонула въ сумракѣ. Лучи разсвѣта не проникли еще въ узкія стрѣльчатыя окна, сѣрыми призраками выступавшія на стѣнахъ, окутанныхъ безмолвіемъ спящаго храма. Голоса и шаги гудко отдавались въ пустотѣ. Пани Жозефа задрожала отъ страха, когда ксендзь покинулъ ее, скрывшись въ дверяхъ ризницы. Ей показалось, что она одна здѣсь, запертая, отрѣзанная отъ міра, осужденная, отданная во власть тишины, въ которой ей чудились таинственные звуки. Оттуда, изъ темноты, на нее смотрѣли невидимыя статуи святыхъ, которые знаютъ все; въ ихъ зловѣщемъ молчаніи звучалъ безошадный приговоръ ей, дерзнувшей на оскорбленіе святыни. Послѣ нервного подъема наступила реакція. Дремавшая совѣсть пробуждалась въ ней вмѣстѣ съ зарей; то, что она сдѣлала, выступало передъ нею во весь ростъ, точно освобождалась отъ завѣсы мрака. Отецъ Ромуальдъ нашелъ ее сидящею на скамьѣ съ опущенной головой, притихшую и задумчивую.

— Знаете ли вы, — спросилъ онъ: — какая участь ждетъ этотъ храмъ, если на башнѣ будутъ поставлены пулеметы?

— Русскіе не захотятъ стрѣлять въ церковь, — пролепетала пани Жозефа.

— Церковь, которую осквернили оружіемъ, перестаетъ быть церковью, — отвѣчала ксендзь. — Божья благодать покидаетъ ее, и съ ней поступаютъ такъ, какъ она заслуживаетъ.

Онъ отворилъ низкую, едва замѣтную дверь въ боковомъ придѣлѣ, повернувшись съ пронзительнымъ скрипомъ, отъ котораго невольная дрожь пробѣгала по спинѣ, какъ отъ волиа живого существа. Необычайно массивная, повидимому, вылитая цѣликомъ изъ бронзы, эта дверь держалась на гигантскихъ петляхъ, окованныхъ тяжелой желѣзной обшивкой, и могла въ самомъ дѣлѣ противостать самымъ жестокимъ ударамъ.

— Идите за мной, — сказалъ отецъ Ромуальдъ, убѣдившись, что никто не слѣдитъ за ними.

Крутая лѣстница, уходящая вверхъ, терялась во тьмѣ башни, освѣщенной еще болѣе скупю, чѣмъ костель. Они поднялись почти на самый верхъ башни, когда неожиданно по темной стѣнѣ скользнула лучъ свѣта: пани Жозефа и ея проводникъ очутились въ комнатѣ, вѣрнѣе, кельѣ, которая отворилась передъ ними

*) „Инженеры“ — говоритъ проф. Ф. Батюшковъ, — какое-то упоеніе работой, заразительное и для совершенно посторонняго давяго отрасли дѣятельности читателя“.

точно сама собою. Прямо передъ ними было окно, выходившее на просторъ полей, окружавшихъ Дубново. Свѣтлое утреннее небо, еще не озаренное солнцемъ, ровное и холодное, какъ доска изъ сѣраго мрамора, смотрѣло въ это окно, наполняя келью таинственнымъ мистическимъ свѣтомъ, точно проникавшимъ сквозь хрустально-чистую воду. И въ этомъ свѣтѣ, дѣлавшемъ всѣ очертанія неясными, воздушными и призрачными, пани Жозефа увидѣла нѣчто, заставившее ее отступить съ крикомъ изумленія и восторга.

Она увидѣла себя самою.

Передъ нею точно поставили зеркало, только не простое зеркало, а волшебное. Съ громаднаго полотна, натянутого на подрамникъ и занимавшего всю стѣну кельи, на нее смотрѣла фигура женщины въ человѣческой ростъ, написанная рукою великолѣпнаго мастера. Эта женщина была она. Сѣрая ткань, липадающая ирными складками, облегла ея тѣло, громадные глаза, полные безпредѣльной, нечеловѣческой скорби были устремлены къ небесамъ, полураскрытыя губы, казалось, шептали молитву. А сзади, окрашивая пурпуромъ черную тучу дыма, поднимались зловѣщие языки пламени: тамъ горѣли города и села, горѣла цѣлая страна, разоренная, усѣянная трупами, груды которыхъ бѣлѣли, уходя вдаль отъ передняго плана картины. Выдѣляясь на этомъ трагическомъ фонѣ, фигура пріобрѣтала рельефъ, создававший почти полную иллюзію; ея неподвижность была выраженіемъ молитвеннаго экстаза, но дыханіе колебалось, казалось, нѣжную грудь подъ складками одежды, и руки, сложенные на этой груди, готовы были подняться для благословенія.

Жозефа смотрѣла на картину, какъ соннабула, остановившаяся на краю карниза, отдѣляющаго ее отъ бездны. Она не видѣла ничего, кромѣ этого небеснаго образа, ничего не слышала и не сознавала. Исчезли стѣны убогой кельи, таинственно скрывавшей Мадонну, исчезъ безмолвный священникъ, исчезла она сама. Ея взглядъ, въ которомъ сосредоточились всѣ силы души, потрясенной до самыхъ основъ, былъ живымъ отраженіемъ взгляда молящейся страдальцы тамъ, на картинѣ. Отступая все дальше, она прислонилась къ стѣнѣ, широко раскинувъ руки, какъ будто распятая и приговоренная къ позорному столбу своего преступленія. Ксендзь Ромуальдъ тихо коснулся ея пальцевъ: она вздрогнула и очулась.

— Что это? — прошептали чуть слышно ея губы.